

Цзян Сюань — главная героиня этого мира.

Сегодня, чуть свет, она отправилась в горы рубить свиную траву. Это была привычная работа, не занимавшая много времени. Но на обратном пути девушка споткнулась и упала в овраг. Полная корзина травы рассыпалась, и ей пришлось, преодолевая боль в ободранных и ушибленных коленях, собирать всё заново.

Иначе — она знала — ей снова не избежать ледяного взгляда того человека.

Даже чувствуя острую боль, она быстро вскочила на ноги. Ни слезинки не упало из её глаз, лишь в сердце закипала глухая, скрежещущая зубами ненависть.

Ненависть к тому, почему их семья так бедна, почему болезнь привязалась именно к маме, и ненависть к Тань Цзиньсюэ — почему он всегда такой высокомерный и никогда не ставит их семью ни во что?

Мама работает день и ночь, сама Цзян Сюань бросила школу, чтобы вести хозяйство, и, скорее всего, скоро ей придётся искать какую-нибудь подработку. А её «братец» целыми днями с важным видом сидит над книгами, лелея мечты о том, как вылетит из этого горного гнезда и станет золотым фениксом. Он даже обед приготовить не может, не попросив об этом, не говоря уже о том, чтобы хоть чем-то помочь семье.

Он — паразит, кровопийца, который делает их и без того шаткий быт ещё более невыносимым.

Цзян Сюань поставила полную корзину во дворе и направилась напрямик к дому, где жила Цзян Сюхуа.

— Сяо Сюань, почему ты так долго? Твой брат почти приготовил обед, иди помоги накрыть на стол, — донёсся из комнаты хриплый голос женщины.

Цзян Сюань замерла, с досадой прикусила губу и повернулась в сторону кухни.

В доме семьи Цзян было всего три комнаты: кухня, за которой находился крошечный огород, главная комната, где жили мать и дочь, и небольшая каморка для всякого хлама. Когда брат Тань Цзиньсюэ пошёл в старшую школу, он заявил, что ему нужно личное пространство, и буквально заставил Цзян Сюхуа вынести все вещи в главную комнату, чтобы занять каморку самому.

На полпути Цзян Сюань увидела, как Тань Цзиньсюэ выходит из кухни с двумя мисками.

— Ешьте, я всё наложил, — сказал он, обращаясь к сестре. — Вы с мамой ешьте в главной комнате, я к вам не пойду.

Цзян Сюань, нахмурившись, забрала у него миски с кукурузной кашей. Не сказав ни слова, она развернулась и пошла прочь.

Тань Цзиньсюэ прищурилась. Она заметила, что на ботинках у девочки дыра, из которой торчит большой палец. Эту обувь Цзян Сюэ купила ей на ярмарке в городке ещё тогда, когда была здорова, — девочка носила их уже больше трёх лет.

Цзян Сюань быстро росла, ботинки давно стали ей малы, но она терпела и молчала. Сегодня, видимо, в горах случилась беда, и обувь окончательно пришла в негодность.

Главная героиня этого мира была натурой стойкой и умной. Хотя сейчас она выглядела как жалкий гадкий утёнок, в ней чувствовалась сила.

Согласно оригинальному сюжету, съёмочная группа привезёт с собой не только двух избалованных городских подростков, но и станет для героини судьбоносным шансом. Главный герой, впечатлённый стойкостью и жизнелюбием девушки, не только исправится, но и, вернувшись в город, будет постоянно думать о ней.

Он тайно оплатит её обучение, и Цзян Сюань, обладающая талантом к наукам, легко поступит в лучший университет города, где они снова встретятся.

А её самовлюблённый братец-предатель из-за своей жадности, которую он проявит во время съёмок, вызовет всеобщую ненависть зрителей. После провала на вступительных экзаменах он попадёт в сети финансовой пирамиды и покроет себя позором.

Задача Тань Цзиньсюэ заключалась в том, чтобы добиться 99 очков любви от Цзян Сюань, которая сейчас её ненавидела, и разлучить её с главным героем. Поскольку она была номинальной сестрой героини, ей оставалось лишь повышать её лояльность, одновременно нанося удар со стороны главного героя. Она размышляла об этом про себя.

— Мам, обед, — Цзян Сюань вошла в комнату.

Цзян Сюэ сидела на кровати, сторбившись над шитьём; её глаза покраснели от переутомления. Ей едва перевалило за сорок, но лицо было измождённым, как у старухи. Из-за ревматизма она не могла выполнять тяжёлую работу, а когда начинались боли, просто терпела. Суставы на руках, постоянно опущенных в холодную воду, распухли и покрылись мозолями и следами от иголок.

Она взяла миску, слезла с кровати, села за стол и спросила дочь:

— А где твой брат?

Цзян Сюань достала из шкафа банку с домашними соленьями, положила немного в миску

матери и тихо ответила:

— Сказал, что поест сам и не придёт.

Цзян Сюхуа вздохнула, и её глаза увлажнились.

С тех пор как мальчик узнал, что его взяли из приюта, он стал ещё более отчуждённым. Часто запирался в своей комнате на целый день, даже есть с ними за одним столом не хотел.

Хотя А-Сюэ ей не родной, все эти годы она относилась к нему как к родному ребёнку. Как же так вышло...

Цзян Сюань не могла видеть, как страдает мать. Мысленно она ещё десяток раз прокляла Тань Цзиньсюэ, а потом утешила мать:

— Он там на кухне, голодным не останется. Мам, не переживай, раз хочет есть один — пусть ест.

Цзян Сюхуа отпила глоток кукурузной каши. Хотя она и царапала горло, но была густой и горячей, и на душе стало чуточку теплее.

— Отнеси брату немного солений. Он там один ест, даже прикусить нечего, — попросила она дочь.

Цзян Сюань, разумеется, была против, но под взглядом матери сдалась, взяла банку и вышла из комнаты.

Тань Цзиньсюэ сидела у плиты с щербатой миской в руках. Каши в котле было ровно на три порции, дно уже блестело — ни ложкой больше.

— Мама велела принести тебе солений, — Цзян Сюань вошла на кухню.

Видимо, не ожидая её появления, «юноша» выпрямился, пытаясь что-то скрыть.

Цзян Сюань, будучи девушкой зоркой, тут же всё поняла. Она быстро подошла, схватила Тань Цзиньсюэ за руку и высыпала соленья прямо в миску, внимательно оглядываясь по сторонам.

Ничего подозрительного.

— Хватит! Хочешь, чтобы я пересолила? — грубо бросил парень.

Цзян Сюань только сейчас осознала, что насыпала слишком много, и ей стало жаль. Она взглянула в миску Тань Цзиньсюэ и замерла.

Под горкой солений была лишь половина порции жидкой, почти прозрачной каши. Её можно было выпить за пару глотков — этого не хватило бы даже чтобы утолить жажду, не говоря уже о сытости.

Парень, казалось, запаниковал. Он залпом выпил кашу, поморщился от соли и зыркнул на Цзян Сюань:

— Чего уставилась? Иди ешь свою порцию.

Цзян Сюань крепко сжала губы. Ей показалось, что его гнев — лишь прикрытие для растерянности.

Она не стала ничего спрашивать и молча вышла. Но Цзян Сюань не была легкомысленной: в свои четырнадцать лет она была внимательна к деталям.

Почему он не пришёл есть с ними? Почему в его миске была такая жидкая каша?

В голове крутились подозрения, но она тут же отбросила их, помотав головой.

— А-Сюэ поел? — спросила мать.

Цзян Сюань очнулась от своих мыслей и кивнула:

— Давно поел, мам. Не волнуйся, ешь давай.

...Как такое возможно? Неужели он специально отдал им густую кашу, чтобы они с мамой наелись, а сам спрятался на кухне с пустой похлёбкой?

Нет, он не такой. Он эгоист! Как он мог сделать что-то подобное?

Цзян Сюань ела без аппетита, пытаясь убедить себя в обратном, но не могла найти иного разумного объяснения.

[Дзынь — уровень симпатии главной героини Цзян Сюань: 25]

Отставив миску, Тань Цзиньсюэ слегка улыбнулась. Пусть прибавка небольшая, но это хорошее начало.

С умными людьми порой работать даже проще.

На следующий день, в понедельник, Цзян Сюань встала рано, накормила свиней и ушла в горы. Её ботинки были порваны, и вчера, пока мама отдыхала, она кое-как заштопала их — заплатка на носке выглядела как уродливый шрам.

Проходя мимо комнаты Тань Цзиньсюэ, она вспомнила вчерашнее и не удержалась, заглянула внутрь.

Никого.

— Надо же, ушёл так рано. Солнце, что ли, на западе взошло? — пробормотала она.

Школа.

— Цзиньсюэ, вот твоя стипендия за этот семестр. Держи, — сказала женщина средних лет.

Тань Цзиньсюэ стояла в кабинете и принимала тонкий конверт.

Классный руководитель вздохнула и добавила:

— Школа знает о твоих трудностях, но стипендия у нас небольшая, хоть какая-то помощь. — Она похлопала его по плечу. — Слышала, к нам собираются приехать снимать телешоу Преображение. На днях заходил сотрудник, расспрашивал о тебе и твоей семье. Я порекомендовала тебя. Если попадёшь на шоу, может, найдутся добрые люди, которые оплатят твоё дальнейшее обучение.

Этот ученик был способным, а главное — невероятно усердным. Она преподавала в этой сельской старшей школе десять лет и впервые видела такого ребёнка.

Он держался за учёбу, как за соломинку, считая каждый балл в тестах своим будущим.

Пусть он был излишне расчётлив, но это было понятно.

Может, он действительно сможет поступить в престижный вуз и прославить их школу, которая уже много лет не выпускала ни одного студента. Нужно помочь, пока есть возможность.

Тань Цзиньсюэ улыбнулась:

— Спасибо, учитель Сунь. — Она добавила: — Съёмочная группа приедет к нам домой?

— Не знаю, они не уточняли, — ответила учительница. — Но если они выберут место для съёмок, то наверняка придут. Скорее всего, они даже заплатят за аренду площадки.

Тань Цзиньсюэ кивнула и застенчиво улыбнулась:

— Я пойду всё подготовлю.

Выйдя из кабинета, она открыла конверт. Три розовые купюры.

Для оплаты долга за обучение этого было мало, но Тань Цзиньсюэ уже знала, куда их потратит.

Сложив конверт, она спрятала его во внутренний карман школьной формы и вернулась в класс.

Дорога от школы до дома занимала около трёх часов, включая час ходьбы по горным тропам и переход через ручей. Обычно Тань Цзиньсюэ жила в общежитии и возвращалась только на выходные.

Поэтому, когда Цзян Сюань, подметавшая двор, увидела уставшего Тань Цзиньсюэ, она остолбенела.

На нём была школьная форма, штанины закатаны, ботинки в грязи. На плечах он нёс два мешка.

— Ты почему вернулась?

Тань Цзиньсюэ быстро прошла мимо неё напрямиком на кухню.

Цзян Сюань бросила метлу и бросилась следом.

Она увидела, как Тань Цзиньсюэ аккуратно ставит мешки туда, где хранилось зерно. Там оставалось лишь полмешка кукурузной муки.

В последнее время Цзян Сюань почти не получала заказов, а ещё нужно было покупать лекарства от ревматизма и оплачивать учёбу брата. Сбережения таяли на глазах.

Был только апрель, а Цзян Сюань слышала, как мама планировала через пару дней продать одну из двух свиней.

Продавать недокормленных поросят было убыточно, но иначе семье грозила голодная смерть.

К тому же этот Тань Цзиньсюэ каждый день требовал денег на школу, будто семья была у него в долгу.

Цзян Сюань подошла ближе и разглядела, что в мешках.

Тридцать килограммов риса, тридцать килограммов пшеничной муки.

Хватит на месяц.

— Откуда? — выпалила она.

Тань Цзиньсюэ подняла бровь:

— Купила.

— Где ты взяла деньги?

Тань Цзиньсюэ раздражённо отмахнулась:

— Не твоё дело. Дома почти пусто, ешьте пока это.

Цзян Сюань нахмурилась:

— И с чего такая доброта?

Тань Цзиньсюэ посмотрела на неё и буркнула:

— Если вы с мамой умрёте от голода, мне что, легче станет?

Цзян Сюань задыхнулась от возмущения, её лицо покраснело.

Тань Цзиньсюэ вышла с кухни, а девочка так и осталась стоять, топая ногой от злости.

И только потом она заметила два мокрых следа на полу.

Принести шестьдесят килограммов зерна из самого города — это было нелегко.

Подумав, Цзян Сюань пошла в главную комнату.

— Мам, он вернулся, — сказала она.

Цзян Сюхуа тут же отложила шитьё:

— А-Сюэ, почему сейчас? Опять за школу платить?

Цзян Сюань покачала головой, сбита с толку:

— Не знаю. Он принёс рис и муку! — даже в её голосе промелькнула радость. — Хватит на месяц.

Цзян Сюхуа нахмурилась:

— Откуда у него деньги? Не связался ли он с кем нехорошим... — она обеспокоенно посмотрела на дочь. — Сходи позови его, я хочу спросить.

Цзян Сюань не хотелось идти, но под взглядом матери она всё же поднялась.

— Мама зовёт, иди быстрее.

Она даже не вошла в комнату, лишь заглянула в дверной проём.

Было уже поздно, на столе горела тусклая лампа.

Юноша встал:

— Понял. — Он взял сумку и отправился в главную комнату.

Цзян Сюань хотела войти следом, но остановилась и притаилась под окном, прислушиваясь.

— А-Сюэ, Сю Сюань сказала, ты принёс продукты?

— Да.

— Откуда они? Что ты делал в городе?

— Выдали стипендию, я купила на эти деньги.

Цзян Сюхуа облегчённо выдохнула и погладила его по руке:

— А-Сюэ, прости, что я совсем не могу тебе помочь, ещё и ты вынужден тратить всё на дом.

Цзян Сюань за окном фыркнула.

Он помогает дому?! Это что-то из ряда вон выходящее!

Она услышала, как Тань Цзиньсюэ ответила:

— Не говори так. — Голос был сухим, привычным для Цзян Сюань. Она могла представить его холодное, отчуждённое выражение лица.

Но в самом голосе вдруг прозвучала странная спешка.

Будто он... очень хотел поскорее закрыть эту тему.

— Мам, у Сяо Сюань ботинки порвались. Я купила ей новые в городском магазине, они там.

Цзян Сюань замерла.

Цзян Сюхуа воскликнула:

— Какие красивые! — она помолчала и спросила: — Почему ты не отдала их ей сама?

Голос Тань Цзиньсюэ донёсся изнутри:

— Если она узнает, что это от меня, может не взять. Отдай ей сама, скажи, что это ты купила.

Цзян Сюань закусила губу.

— Вот остаток, сто двадцать пять юаней. Возьми, купи себе обезболивающее, нельзя же всё время терпеть!

Цзян Сюхуа тихо согласилась — сегодня А-Сюэ был таким решительным, что возразить было невозможно.

— Я пойду, завтра рано утром в школу. На выходных к нам могут приехать гости, скажи Сяо Сюань, чтобы навела порядок.

Цзян Сюхуа кивнула.

Женщина смотрела на удаляющуюся стройную фигуру юноши, чувствуя одновременно горечь и облегчение. Мальчик рос прямо на глазах, как молодая поросль.

Услышав шаги, Цзян Сюань быстро и бесшумно отбежала.

Тань Цзиньсюэ вернулась в свою комнату, и тут её позвала мать.

— Мам, ты звала?

Цзян Сюань вошла в главную комнату.

Мать, сидевшая на кровати, с доброй улыбкой посмотрела на неё:

— Сяо Сюань, иди сюда. Смотри, что я купила тебе на ярмарке!

Девушка смутилась, но подошла с улыбкой.

Цзян Сюхуа протянула ей новенькие кроссовки.

— Примерь скорее.

Цзян Сюань надела их.

В самый раз. Лёгкие, удобные, с обтекаемым дизайном — она не удержалась и подпрыгнула на месте. Её вечно сжатые губы невольно растянулись в улыбке.

Она всё-таки была ребёнком, и даже если жизнь заставляла её рано повзрослеть, она имела право на радость.

Цзян Сюхуа ласково погладила дочь по голове:

— Брат завтра уезжает, принеси ему немного солений в дорогу.

Цзян Сюань кивнула и вышла.

[Дзынь — уровень симпатии главной героини Цзян Сюань: 35]

На следующий день Тань Цзиньсюэ встала ещё до рассвета: дорога занимала три часа, и чтобы не опоздать, пришлось пожертвовать сном.

На кухне она взяла паровой хлеб и увидела банку с соленьями.

Видимо, для неё.

Стройный юноша уложил банку и хлеб в рюкзак.

— Это наш ученик Тань Цзиньсюэ, — учитель Сунь сияла улыбкой. — Цзиньсюэ, это господин Кан, режиссёр нашего шоу Преображение.

Кан Боуй, режиссёр и продюсер шоу Преображение на канале Манго, сделал свою программу самым популярным проектом года и был известен в индустрии.

Тань Цзиньсюэ в чистой школьной форме и белых кроссовках вежливо поздоровалась:

— Здравствуйте.

Кан Боуй не скрываясь оглядел её с ног до головы.

Перед ним стоял юноша, в котором, несмотря на возраст, чувствовалась зрелость.

По одежде было видно, что семья небогата, но он следил за собой очень тщательно.

В его чёрных глазах светился ум.

— Слышал, у тебя отличные оценки.

Кан Боуй с интересом наблюдал за ней.

— Да.

Такая прямота, граничащая с отсутствием скромности, удивила Кана.

Тань Цзиньсюэ продолжила:

— Если вы поселите их у нас, я могу подтянуть их по учёбе!

Кан Боуй снова опешил:

— Ты не хочешь в город?

Он должен был знать формат шоу: обмен местами между сельскими и городскими детьми. Но, судя по словам, кандидат не горел желанием ехать в город, чтобы увидеть другой мир.

...Более того, он сам предложил репетиторство для городских «трудных» подростков?

Тань Цзиньсюэ покачала головой:

— Я не хочу в город.

Стоявшая рядом учитель Сунь чувствовала себя крайне неловко.

<http://bllate.org/book/19094/1875266>